

Ольга БУГОСЛАВСКАЯ

КРУПНЫМ И ОБЩИМ ПЛАНОМ

Владимир Сотников. Холочье. Чернобыльская сага. – М.: АСТ, 2020. – 224 с.

Книга Владимира Сотникова состоит из двух частей. И та и другая – мемуары. Первая – воспоминания автора о детстве, проведенном в белорусской деревне Холочье. Вторая – своего рода приквел, автобиографические записки, оставленные его дедом и матерью, Леонидом и Антониной Карпекиными.

Село Холочье, центр романного действия, просуществовало в течение ста лет до чернобыльской катастрофы, после которой «дома разрушили и закопали под землю, люди разъехались кто куда». История происхождения и названия деревни отсылают к восточному образу реки жизни: «...сто лет назад деревня появилась вокруг почтовой станции и стала называться Холочье, потому что на местном наречии это слово означало паводковое гнездо из мусора, плившее весной по реке и прибывшее к берегу. Первые поселенцы согласились с тем, что их прибило к этому берегу течением жизни». Здесь мало что зависит от людей, деревня появляется и умирает по воле судьбы.

Сам рассказчик прежде всего созерцатель, внимательный и бережный. В его повествовании отсутствуют следы пресловутой активной жизненной позиции в вульгарном смысле. Его задача – взглянуть в поток времени и рассмотреть сигналы из прошлого, чтобы «понять, для чего появился» на свет.

Само место действия – пропавшая, исчезнувшая, как будто заколдованная деревня – вызывает ассоциации с мистической литературой. Но если герои мистических повестей попадают во внешнее заколдованное пространство, то автор «Холочья» ищет такое пространство в своей памяти, внутри своей души.

Замкнутый столетний жизненный цикл, память детства, история рода, таинственный край, финальная катастрофа и другие мотивы заставляют вспомнить о самом знаменитом романе Маркеса. Только, в отличие от него, главной темой произведения Владимира Сотникова стало не одиночество, а любовь.

Мысленно возвращаясь в своё детство, повествователь совмещает две точки зрения – детскую и взрослую. Впечатления ребёнка всегда ярче. Детское восприятие сродни увеличительному стеклу, оно укрупняет образы. Эту остроту, жар и царапающую шершавость детских впечатлений автор сглаживает и охлаждает ретроспективным взглядом взрослого. Получается что-то похожее на эффект кипящего котла, накрытого крышкой.

Кроме того, есть ещё один фактор, придающий цветам на этой картине дополнительную интенсивность. Сама деревенская жизнь, описанная в романе, довольно далека от привычных представлений о цивилизованности. Здесь изображена жизнь и человеческая природа в их первозданном виде и в прямых, непосредственных проявлениях. Почти без искажений и исправлений. Поэтому роман, спокойный и созерцательный, полон слепящих красок и броских образов, вырастающих в символы, олицетворения, архетипы, а также событий, рассказы о которых приобретают черты мифа или притчи. Например, странная женщина, носившая с улицы мусор в дом и не понимавшая назначения предметов, предстаёт живым воплощением абсурда и бессмысленности, обыденных и при этом пугающих. Соседские братья-подростки, чья взаимная неукротимая ненависть и повторяющиеся драки достигают в глазах ребёнка эпического размаха, обретают черты демонов слепой вражды и упрямого соперничества: «Было непонятно, как они не убивают друг друга, ведь дрались не только кулаками, но и кольями, впечатывали друг в друга камни, прыгали на распростёртое тело обеими ногами. Драка перекачивалась по всей деревне... Кого-то из них запирали, но они были неуправляемы, разбирали стены сарая и появлялись с другой стороны, как будто прилетев

откуда-то. ...Любой удар каждого из них мог быть смертельным». «Как они не убивают друг друга?» Но ведь демоны бессмертны. Один из близких друзей рисуется мальчику всемогущим волшебником, носителем особого дара: «Коля умел всё, что хотел. ...Не учился ездить, сидя задом наперёд на велосипеде, а просто садился так и уже ехал; не преодолевал страх, а просто неожиданно вспрыгивал на огромного быка... устраивая перед нами родео...». Женский образ, олицетворяющий материнскую любовь, амбивалентен и двулик: мать любит своего ребёнка и ненавидит всех, кто потенциально может причинить ему вред. Именно материнская любовь более всех прочих проявлений близка к природному инстинкту: «Братья... вызывали у своей матери такую бешеную любовь, какой я не встречал и в животном мире. Если кто-то... обижал Олега или Мишу, тётя Лиза влетала в любую толпу, как слониха или носорожиха, разбрасывая в стороны свидетелей и добираясь до обидчика».

Те первые детские впечатления отражаются и воспроизводятся в течение всей последующей жизни: «...люди, которых я потом встречал, о которых читал в книгах – в их обликах и характерах всплывали черты моих соседей».

Автор сделал очень точное наблюдение и описал наше общее свойство: в людях, которых мы встречаем в детстве и в которых видим их одно главное, наиболее проявленное свойство, становятся кем-то вроде наших персональных богов – любви, заботы, справедливости, мести, войны...

Воспоминания деда и матери рассказчика углубляют временную перспективу до начала XX столетия, охватывая времена Первой мировой войны, революции, Гражданской войны, военного коммунизма, НЭПа, террора, Отечественной войны... В целом это рассказ о призвании, которое становится для героев судьбой, смыслом жизни и спасительным маяком. И дед, и мать рассказчика видели своё предназначение в том, чтобы стать учителями. К своей цели им пришлось идти буквально через огонь и воду.

Драматичное и напряжённое повествование распадается на несколько актов. Начинается оно с того, что отец героя, то есть прадед автора романа, в силу обстоятельств и вопреки внутреннему желанию отказывается от учительского поприща. Этот вынужденный отказ превращается в то, что сейчас принято называть психической травмой, последствия которой ложатся на плечи его близких, прежде всего детей. Жизнеописание Леонида Карпекина начинается как грустная сказка или повесть в духе Диккенса: «По рассказу бабушки Анны, появление моё на свет не принесло радости в семью. Особенно печален был отец». Противовесом демонстративной отцовской нелюбви становится столь же выраженная любовь матери. Ребёнок оказывается на разрыве, как будто под контрастным душем: «Так я был в семье и любимым, и нелюбимым сыном». Дальше всё большую роль в судьбе героя начинают играть исторические обстоятельства – военный коммунизм, НЭП, коллективизация, голод и, худшее из всего, террор, во время которого «люди напоминали беззащитных птицеподобных существ, когда в их стаю ворвался орёл и безнаказанно стал истреблять ценнейших из их породы», и «в каждой организации, в каждом учреждении, в каждом доме сидел тайный агент или информатор, готовый поймать тебя на каждом твоём слове». Судьба то сталкивала героя с пути, то возвращала на него. Единственной твёрдой опорой молодому человеку служило отчётливое понимание и видение своего предназначения.

Взволнованный рассказ матери посвящен главным образом участи белорусских беженцев, пытавшихся в начале войны уехать на восток и тем самым спастись от немецкого нашествия.

Автобиографии деда и матери написаны принципиально иначе, чем первая часть романа. В них не воспроизводится детский взгляд снизу вверх, они, что называется, безыскусны, то есть в них нет литературных приёмов и фигур речи. О таких произведениях принято говорить, что они «написаны простым языком». Масштаб описываемых событий, их трагизм, сила эмоций, которые они вызывают, и простота языка и стиля создают контраст, образуют воронку. Попадая в неё, читатель полностью

включается в повествование, мысленно достраивает всё недосказанное, переживает с рассказчиком целую бурю не до конца описанных чувств.

Крайние жизненные обстоятельства и близость смерти – тоже своего рода увеличитель. В этих условиях возрастает цена любого поступка. В воспоминаниях деда и матери на первый план выходят люди, которые в отчаянной ситуации оказали им помощь, то есть в буквальном смысле спасли. Это и незнакомый старик, который в 25-м году купил юному тогда Леониду, оказавшемуся в дороге без денег, билет до Минска, и женщина, пригласившая к себе в дом семью беженцев, и коллеги, помогавшие осваивать профессию. На страницах этих воспоминаний запечатлена прежде всего благодарная память.

Короткий роман Владимира Сотникова заполнен мощным и тёплым потоком жизни, в котором ничто никогда не заканчивается, не забывается и не пропадает зря: «Я не верю мудрецам, говорящим, что всё проходит. Всё, что было, есть в человеке».